

СЕНТЯБРЬ

Марибел (соседка Ли по комнате)

— Я достану нам фальшивые удостоверения, — говорю я Лии, когда мы идем на занятия в первый день учебы.

— Что? Это же незаконно! — отвечает она.

Ее реакция меня не удивляет, хоть мы и живем в одной комнате всего четыре дня. Мне кажется, первые дни студенчества связывают людские судьбы, потому что у меня такое чувство, будто я знала Лию всегда.

Мне уже понятно, что она — отличная соседка. Она опрятная, вежливая, тихая, но при этом не зануда.

— Забудь о том, что это незаконно, — говорю. — Считай, что помогаешь местному бизнесу.

— У тебя извращенный взгляд на мир, Марибел.

— Будет весело! — продолжаю я, поднимая руки. За всю жизнь я выпивала всего дважды: один раз на свадьбе у сестры, и второй — на выпускном, но все равно знаю, что пить прикольно.

— Да я, вообще-то, не пью! — восклицает она, тоже вскидывая руки. Только теперь она смеется.

— А хочешь? — спрашиваю.

— Может быть.

— Я о том, что...

Я осекаюсь. Мы выходим на огромный зеленый луг, где расположена половина всех академических корпусов. Хочется на минутку остановиться и осознать, что я теперь — самая настоящая студентка.

— Наконец-то мы здесь, — говорю, окидывая взглядом университет. Лия в ответ улыбается.

— Да, надо как следует насладиться моментом... На какую пару идешь? — спрашивает она, в достаточной мере насладившись этим самым моментом.

— На историю Европы, часть вторую, — отвечаю, стараясь, чтобы голос звучал максимально сдержанно.

— Смотри, нахватаешься там спойлеров, и потом, если решишься прослушать первую часть, будет уже неинтересно.

— Буду иметь в виду. А ты куда идешь?

— На писательское мастерство.

— Как у тебя получилось попасть на такой крутой и продвинутый курс, как писательское мастерство? — спрашиваю я, пока мы подходим к ступенькам корпуса для занятий английским языком. Она поворачивается ко мне и секунду идет спиной вперед, но тут же натывается на симпатичного парня.

— Господи, — тоненьким голосом восклицает Лия, опускаясь на колени, чтобы помочь ему собрать вещи. — Прости, пожалуйста.

— Ничего, — отвечает он. Парень весьма мил, но кажется таким неуклюжим, пытаюсь собрать все упавшие книги сразу.

— Точно? — спрашивает Лия.

Он кивает, не глядя на нее.

— Не хочу опоздать на пару в первый же день, — говорит она, бросая взгляд на меня, а потом снова на него.

Парень приседает, сгребает вещи в рюкзак.

Наконец он поднимает взгляд и неуверенно улыбается.

— Все нормально.

— Ну, раз нормально, то ладно, — говорит Лия. — Еще увидимся, Мар.

Я киваю и иду к себе в класс. Я только что стала свидетельницей первого милого студенческого знакомства. Кажется, такие здесь происходят сплошь и рядом.

Инга (преподаватель писательского мастерства)

Почему-то все всегда думают, что первый день учебы будет бодряще осенним, хотя на деле зачастую жарко и солнце палит как тысяча грилей фирмы Джорджа Формана.

Я стою перед новоиспеченными студентами, пришедшими на курс по писательскому мастерству, и оглядываю аудиторию, стараясь не вспотеть

в тончайшей блузке. Выходя из дома утром, я спросила Пэм, как ей мой наряд. Она сообщила, что я будто сошла со страниц книги «Распутный домик в прериях». Понятия не имею, что это за домик, но все равно осталась довольна, что такой образ получился у меня сам собой.

Прыжком усаживаюсь на стол, следя, чтобы мини-юбка в стиле Лоры Инглз не задралась неприлично высоко, и наклоняюсь проверить время на телефоне. Дам им фору минуты в четыре. Сегодня первый день. Большинство студентов — старшекурсники, но вряд ли даже они бывали в этом закоулке нижнего яруса подвала. Клянусь, мы ниже уровня моря, я бы даже сказала, в самых глубинах ада, если бы не кондиционер.

Девятнадцать мест занято, а в списке двадцать семь ребят. Остается лишь надеяться, что лекцию пропустит нечетное их число. Ненавижу, когда на писательском мастерстве нечетное количество студентов: система летит к чертям, когда надо разбиться на пары.

Дверь открывается, и заходит мой ассистент.

— Привет, Коул, — говорю.

— Привет, Инга. Ну, что тут у нас? «Двадцать тысяч лье под водой»? — спрашивает он, смущенно обводя рукой аудиторию.

— И не говори. Придется каждый раз оставлять след из пивных орешков к моему кабинету.

— Почему из пивных?

— Если уж раскидываться едой, то такой, которую не любишь. Хорошие орехи я бы переводить не стала.

Дверь снова открывается, и заходит студент номер двадцать. Он явно выбился из сил, запыхался, но, увидев, что мы с Коулом на него смотрим, застенчиво улыбается. Садится сбоку, ближе к двери, рядом с сердитым парнем и девушкой, на вид младше и беспокойнее остальных. Студент номер двадцать на мгновение встречается взглядом с девушкой, они оба краснеют и отворачиваются друг от друга.

Я снова бросаю взгляд на часы и откашливаюсь. Начинать у меня получается из рук вон плохо. Я преподаю этот свой курс уже десять лет, но каждый семестр запинаясь на этапе знакомства. Вечно строю из себя крутую. Мне тридцать шесть, что и кому я пытаюсь доказать?

— Эй, эй, эй! — начинаю я и мысленно издаю стон. Надо реже смотреть повторы «Толстяка Альберта». Я хлопаю в ладоши: — Давайте начнем.

В этом семестре я хотя бы опустила слово «вечеринка». Однажды я начала с того, что сказала «Давайте начнем вечеринку», а закончила вступительную речь тирадой о том, что писательство — это как вечеринка: весело, но нет пива и вряд ли можно потанцевать.

Студенты внимательно на меня смотрят — все, кроме сердитого парнишки. Он чешет ухо и закатывает глаза. Видно, он не поклонник «Толстяка Альберта».

— Я — Инга Майерсон, а это — Коул... мой ассистент.

Фамилия Коула вылетела из головы, и я одними губами говорю ему «извини». Он пожимает плечами и улыбается.

— Если вы забрались в дебри Нарнии по ошибке, сообщая: мы на курсе писательского мастерства.

Я начинаю обычную речь по предмету и попутно раздаю программу курса. Поставив процесс на автопилот, по ходу присматриваюсь к двум студентам, которых хочу в этом семестре видеть вместе. У меня к этому странный талант. Все началось, когда я работала ассистентом любимого профессора в магистратуре. Ей нравилось думать о студентах как о рассказах, которые она писала в голове, пока знакомилась с группами. Я пошла дальше, и рассказы превратились в любовные романы.

Как-то в конце девяностых я выбрала на семинаре пару молодых людей. Теперь они счастливо женаты, у них двое детишек. Они — моя самая удачная пара, но почти каждый семестр я замечаю новые парочки и как минимум потворствую флирту в классе.

— Сейчас сверюсь со списком, чтобы узнать вас по именам. На занятиях нам придется близко знакомиться, поэтому надеюсь, что никто не против. Нам с вами не стать писателями, если мы не узнаем друг дружку хоть на толику.

Злого паренька зовут Виктор. Запомню.

Нервную девочку — Азалия, но она быстро говорит: «Можно просто Лия» — после чего чуточку успокаивается.

Паренек, который зашел последним, — Гейб. Он спокойный, мне это нравится. У него такая осанка, что так и хочется попросить его выпрямиться, но

у него наверняка есть мама, которой нравится говорить ему это.

Среди моих студентов есть девушка Хиллари, которая полностью соответствует моим представлениям об этом имени. По крайней мере, именно такими я представляла себе всех Хиллари, пока на сцене не появилась Хиллари Клинтон и не разрушила былые предрассудки относительно девушек с именем Хиллари. Например, встряхивать волосы и разговаривать с акцентом округа Вэлли. Когда нынешняя Хиллари встряхивает копной волос, мы словно возвращаемся лет на двадцать назад.

Кроме них, конечно, здесь есть и другие ребята, но эти четверо выделяются больше остальных.

Окончив переключку, возвращаюсь к занятиям.

— У меня есть одна теория, — говорю.

— Что это демон, — говорит Лия так тихо, что я едва не пропускаю ее фразу мимо ушей и пропустила бы, если бы она испуганно не прикрыла рот ладонью. Вижу, как Гейб поворачивает голову в ее сторону и улыбается.

— Танцующий демон? — негромко уточняет он.

Тут я со своим любимым выражением лица, как у Руперта Жиля, говорю:

— Нет, тут что-то не так.

Кажется, шутку никто, кроме нас, не понял, но именно в этот момент я осознаю, что моей парой в этом семестре будут Гейб и Лия.

Быстрый обмен взглядами — это хорошо, но они поняли мою произвольную отсылку к «*Баффи — истребительнице вампиров*». Кажется, это мои

родственные души. И еще мне радостно, что нынешние дети до сих пор смотрят «Баффи».

Теперь надо решить, как устроить их отношения.

Надеюсь, Коул мне подыграет. Раньше у меня бывали ассистенты, которые портили мне все веселье. Я гляжу на него: он как раз вскинул руки ладонями вверх и потряхивает ими, будто в джазовом танце. И понимаю, что мы на одной волне.

Скамейка (на лужайке)

Я — самая старая скамейка на этой лужайке, а уважения ко мне никакого.

Надо сказать, в моей работе есть свои плюсы. Время от времени. Иногда на меня нет-нет, да и присядет идеальный зад, однако не все они одинаковы.

Тот, что сейчас сидит на мне, вызывает уважение: такой зад я бы пригласила еще раз, если бы могла говорить. Лучше всего то, что он, по всей видимости, прикреплен к человеку, которому, кроме как посидеть, больше ничего не нужно. Ни болтать, ни ерзать, ни рисовать граффити или клеить жвачку. С таким можно свыкнуться.

— Гейб, — произносит голос рядом с ним. Эти ягодицы мне уже не нравятся. Их хозяин нарушил такую приятную тишину.

— Сэм, — отзывается обладатель хорошего зада.

— Ты заметил, что сидишь в миллиметре от птичьего помета?

— Ты за этим сюда пришел?

— Нет. Мама дала денег купить тебе обед в первый день учебы. Она волнуется, что ты мало ешь.

— С чего бы ей волноваться?

Представляю себе, как за этими словами следует многозначительный взгляд, которого, кажется, хватило, чтобы заставить лучший зад в моей жизни встать и уйти.

Сэм (брат Гейба)

— Ну как тебе первый день? — спрашиваю я.

Брат пожимает плечами. Он всегда неразговорчив, но последние девять месяцев будто совсем лишился дара речи.

— Я серьезно, скажи, что ответить маме, она ведь не поверит, что я отвел тебя обедать. Подумает, что я зажал деньги и купил себе пиво.

— Сфоткай, как я ем, — бормочет он.

— Хоть Расскажи, как прошел день. — Я тяну его за руку, чтобы он остановился и посмотрел на меня. — Как старший брат я имею право заставить тебя говорить.

Он вздыхает:

— Ладно, скажи, что я устал сильнее, чем ожидал. Такое бывает, когда проводишь девять месяцев на диване. А в остальном все очень, очень хорошо.

— Ты устал? — стараюсь завязать разговор. Гейб ни с кем не делится. Он все держит в себе. И вдруг этот бука толкает меня в плечо. — Ай!

— А что она сама не спросит?

— Потому что думает: ты ей врешь.

— Ну и ладно. Зачем мы вообще это обсуждаем?

Мы уже собираемся уйти с лужайки, как нам машет девушка со скамейки, Гейбу и мне. Скорее всего, Гейбу, потому что я ее раньше не видел. Он машет в ответ: видно, и правда ему.

— Кто это?

— Да так, одна девчонка, — отвечает он.

— Давай пригласим ее на обед! Все равно она сидит просто так.

Я уже иду к ней, но он хватается меня за рюкзак и разворачивает:

— Не надо.

— У тебя не будет девушки, если каждую будешь так игнорить.

— Я ее не игнорил.

— Кажется, она болтает с белочкой.

— Она... не от мира сего.

— Откуда ты ее знаешь?

— Она ходит со мной на курсы писательского мастерства.

— А-а-а, великолепно. Как тебе предмет?

На этот вопрос он улыбается.

— На самом деле хорошо. Только я чуть не опоздал: не знал, что в корпусе английского языка двухуровневый подвал.

— А, так это было на втором уровне подвала. Да, я там бывал. О нем ходят легенды, но лишь некоторым довелось пережить нечто подобное на собственной шкуре. Я слышал о клане русалок, которые живут в туалете.

Удивительно: Гейб звонко смеется. Шутка так себе, но он последнее время редко хохочет. Ходит сам не свой. Я пытался втолковать это маме, вот только вряд ли она поняла. Мне кажется, она решила сама больше прикладывать усилий, но суть в том, что она здесь не помощник. Гейб должен справиться сам.

— В общем, профессор крутая, остальные ребята тоже нормальные. Все не так плохо.

Мы подходим к столовой. Я стараюсь добиться нового проявления эмоций, хотя знаю, что он этого не любит:

— Ты ведь знаешь, что можешь поговорить со мной об этом в любой момент.

Он закатывает глаза.

— Знаю, правда знаю.

Белка!

Я замечаю, как девочка ест арахис. Люблю орешки. Орешки, орешки, орешки. Желуди!

Я прыгаю по травке, веду себя мило и надеюсь, что мне повезет стащить упавший орешек. Что упало — то пропало.

Она смотрит на меня и улыбается. Свезло! Ура!

Она нарочно роняет на землю арахис, и я его начинаю грызть. Потом она кидает еще один орешек на скамейку рядом с собой. Это что, ловушка?

Я не спеша уминаю первый, наблюдая за ней и пытаясь разглядеть, нет ли у нее клетки или коричневого пакета: вдруг она хочет меня поймать.

Кажется, горизонт чист. Я запрыгиваю на скамейку.

Она смотрит на двух парней, уходящих по лужайке.

— Как думаешь, это братья? — спрашивает она. — Глаза у них одинаковые и носы, кажется, тоже. Отсюда сложно разглядеть.

Я выпрямляюсь. Она обращается ко мне. Со мною раньше никто не заговаривал. Как бы хотелось знать человеческую речь, чтобы ей ответить.

Но вместо ответа я грызу орешек.

Виктор (сокурсник по писательскому мастерству)

Ненавижу этот предмет. Прошла всего неделя семестра, а я уже готов его проклинать.

Ненавижу тупые шутки профессора, ненавижу аудиторию и студентов в ней, а особенно — двух идиотов, которые садятся возле меня каждую долбаную пару. Из-за них мне охота выколоть себе глаза механическим карандашом.

Делаю пару глубоких вдохов. Надо успокоиться и пережить семестр. Только этот предмет вписывается в мое расписание, он нужен для окончания колледжа. Не хочу потом, в следующем семестре, брать литературу, когда придется сосредоточить силы на моей офигенной стажировке.

Серьезно, я-то думал, что все самые отвратные люди собрались на моем профильном предмете — парни с информатики порой так бесят. Но нет, литераторы — самые дурацкие ублюдки по эту сто-